

ВИКТОР ГРОССМАН

РАССКАЗ

ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК

ЧЕХОВ сидел у камина и смотрел на роспись, которую сделал Левитан. Картина изображала сенокос. Со стены било летнее солнце, лоснились от пота лица крестьян с косами, бабы в цветастых платьях держали в руках грабли, над стогами вился дымок, сливавшийся с голубым небом. А за окном моросил дождь, небо было затянуто скучными тучами и гудел в каминной трубе ветер.

Это было 17 января в день сорокалетия писателя. Но не только дату рождения праздновал он сегодня. Утром по телефону ему передали телеграмму из Петербурга от академика Кондакова, что он избран почетным членом Российской Академии Наук по разряду изящной словесности. Весть эта его чрезвычайно обрадовала, но в ней содержалась и капля горечи.

Вошла мать и принесла завтрак: горячий кофе со сливками и большой кусок хлеба с маслом и ветчиной.

— Кушай, Антошенька, кушай, на здоровье. Тебе надо усиленно питаться. А то все сидишь, ешь овечий сыр и запиваешь красным вином. Какая от этого польза?

— Спасибо, мамаша, поставьте, я все с'ем. Где Маша?

— В саду работает.

— Дождь, ведь, слякоть.

— Ничего, она привыкла.

Но Маша не в саду работала. Она готовила брату сюрприз. Он любил шелковые галстуки и тонкие духи. Мария Павловна раздобыла еще вчера изящный

галстук с полосками и флакон Иланг-Иланга и теперь паковала их в белую бумагу, а пакетик в коробку, а коробку в оберточную бумагу, обвила все суровой тканью и перевязала веревкой. Антону Павловичу она поднесла огромный пакет и про себя усмехалась: «Пусть повозится!»

Но улыбка на ее губах замерла и сменилась удивлением, когда брат подошел к ней, одетый в новый костюм с модным шелковым галстуком, от которого несло Иланг-Илангом, обнял ее, поцеловал и мягко произнес:

— Поздравь меня, Машенька, дважды, я не только именинник, но и почетный академик.

Маша ахнула и жалобным голосом, точно брат попал в беду, спросила:

— Как же это случилось, Антошенька?

— Очень просто. Избрали тайным голосованием и все. Не меня одного.

— Кого же?

— Не знаю. Но скоро выяснится.

— Антошенька, значит, ты теперь академик! Какая честь.

— Я ж тебе объясняю, Машенька, что я не просто академик, а почетный академик, а это как говорят одесситы, две большие раз-

ницы. Действительных академиков из писателей не будет. Писателей, художников будут делать почетными академиками, обер-академиками, архи-академиками — никогда или не скоро. Они никогда не введут в свой ковчег людей, которых они не знают или которым не верят. Скажи сама, для чего нужно было придумывать звание почетного академика?

— Тебя это огорчает?

— Нет, как бы то ни было, я рад, что меня избрали. Теперь в заграничном паспорте будут писать, что я академик.

— Ты нездоров, Антошенька, у тебя должно быть жар.

— Пустяки: небольшой насморк или инфлюэнца, или по-научному грипп.

Мария Павловна усадила брата за еду, присмотрела, чтобы он все с'ел, убрала посуду и оставила его одного, надеясь, что он сядет работать или писать письма.

Но Антон Павлович укутал ноги пледом и снова ушелся у камина. Ему сильно нездоровилось. Одолевал насморк, время от времени все его тело сотрясал сухой кашель, зудило от почечуя. После каждого приступа кашля он подносил

ко рту большой носовой платок и пугливо озираясь, чтоб не увидели родные, всматривался, нет ли кровавых следов.

Прошло немного времени, он угрелся, стало легче, озноб ослабел и он смог снова, глядя на огонь в камине, предаваться размышлениям и воспоминаниям.

Говорят, что в литературе оч — «Потемкин», безродный баловень счастья, нечто вроде мещанина во дворянстве. Что ж! Доля правды в этом есть. Его писательская судьба сложилась очень удачно. На первых шагах литературной деятельности его охотно печатали юмористические журналы, затем ему предоставили свои подвалы такие газеты, как «Новое время» и «Русские ведомости», его издавали отдельные книжки, пьесы его шли в лучших столичных театрах, ему и тридцати лет не было, а он уже получил пушкинскую премию. Теперь вот он продал полное собрание своих сочинений Марксу за 75 тысяч рублей и построил себе эту прелестную дачу, где ведет жизнь обеспеченного человека. Нужда уж не гонит его писать, писать, писать, иначе семья не сумеет свести

[Окончание на 4 стр.]

{Окончание.

Начало на 3 стр.]

концов с концами. Его будище издавать Маркс и оплачивать их по высоким, все возрастающим ставкам. И, наконец, теперь, когда ему минуло всего сорок лет, он достиг полного признания — избран почетным членом Российской Академии Наук.

Так оно выглядит с внешней стороны. А если задуматься, какой огромный труд сопровождал его удачную карьеру. Он писал, кажется, все, кроме доносов. И рассказы, и повести, и фельетоны, и очерки, и пьесы, и водевилы, и романы и массу всякой чепухи, мелкой, как сметки, и всего больше 300 печатных листов.

Он любил свой труд. Больше того, без него он не мог бы жить. Образы теснились в его голове. Сюжеты услужливо сменяли один другого и требовали своего воплощения в слове, но о работе и думать было нечего. Поминутно раздавались звонки и приносили поздравительные телеграммы.

Читать не хотелось. Ему доставляло радость читать интересную книгу в один присест. А сегодня это невозможно. Оставалось одно: спокойно сидеть в своем кресле у камина и отдалиться на волю судьбы.

Итак он — Потёмкин. Но ведь Потёмкин прежде всего фаворит сладострастной царицы. А любил ли сам «Светлейший»? Успех у женщин вовсе не обозначает счастья в любви. Счастливы тот, кто сам любит и любим. Для счастья не нужно гарема в триста жен и тысячу наложниц, как у царя

Соломона, а довольно одной Суламифи, чтоб создать свою «Песню песней». Вот такой Суламифи не было до сих пор в его жизни.

Были романы, но их было немного и они скользили по поверхности души и давали некоторое наслаждение, но отнимали молодость. И только теперь, когда близкой подступила старость, он встретил настоящую женщину. Ах, какая чарующе-обаятельная женщина! Умная, талантливая, пущая актриса Художественного Театра! Конечно, они поженятся, но все останется по-старому.

тешствие на Сахалин через всю Сибирь на тряской телеге в весеннюю распутицу.

А теперь у него и слава и личное счастье, на зависть Художественного Театра вышита его «Чайка», как эмблема нового искусства, ему принадлежит чудесная белая дача, он обеспеченный человек, наконец, он любит и любим, а его все тянет из этой парфюмерно-кокошечной Ялты куда-нибудь подальше: либо на Укранию, либо вглубь России.

По-прежнему Чехов был

Прикованный болезнью к одному месту, он чутко прислушивался к тому, что делалось в России и тотчас отзывался на все, что только мешало его родине расти и процветать. Недолго он тешился званием почетного академика. Пришел недобрый час и Чехов не колеблясь, написал академику Веселовскому, председателю второго разряда Российской Академии Наук:

Милостивый государь
Александр Николаевич!

В декабре прошлого года я получил извещение об из-

своесть я не мог. Знакомство же с 1035. ст. ничего не объяснило мне. И после долгого размышления я мог прийти к одному решению, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно: почтительнейше прошу Вас похотатайствовать о сложении с меня звания почетного академика.

С чувством глубокого уважения имею честь пребыть Вашим покорнейшим слугою Антон Чехов.

25 августа 1902 года.

Ялта.

Ни слава, ни личное счастье, ни тяжкие недуги не отвлекли Чехова от привычных занятий. Он писал, лечил, много ездил, а в часы досуга озабтал в саду, сажал новые деревья и ухаживал за старыми. Он мечтал превратить всю Россию в цветущий сад. Но для этого нужно было, чтобы все работали, чтоб не было слуг и господ, чтоб сады не оставались красивой, но бесполезной забавой дворян и помещиков, а служили всем, всему народу. Близко ли это время и кто станет его деятелем?

И Чехов написал рассказ о девушке, которая бросила сытую обеспеченную жизнь в провинции, бросила жениха накануне свадьбы и тайком уехала в столицу учиться, чтобы служить народу. Свой последний рассказ Чехов назвал «Невеста».

Вскоре после этого он тихо уяс на чужбине, не подозревая, какие бури несет наступивший 1905-ый год.

За редактора В. АРИНИН.

ВИКТОР ГРОССМАН

ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК

Жена будет жить в Москве и служить в театре, а он с сестрой и матерью будет в Ялте, где ему место жительства предписано врачами и предопределено коварными бациллами.

Пребывание на одном месте было особенно тягостно писателю. Пусть собственная дача, семья, комфорт, прекрасный климат, роскошный сад и цветник, полный роз, который они сами сажали и сами обрезывали, но он был непоседлив и его вечно влекла перемена мест. То он уезжал в Москву и бродил по любимым полям и лесам Подмошья, то плыл по Волге и Каме, то уезжал за границу на юг Франции, а в молодости проделал тяжелое пу-

отыкание на чужую нужду. Когда-то он строил школы и не какие-нибудь, а образовательные с хорошими квартирами для учителей, хлопотал о снабжении таганрогской библиотеки книгами и пожертвовал чуть ли не тысячу названий, вел переговоры со скульпторами Антокольским и Бернштамом о постановке памятника Петру Великому, основателю Таганрога, во время холерной эпидемии без жалования заведовал мелиховским санитарным пунктом, заботился об издании медицинского журнала «Хирургия», оказывал денежную помощь неимущим студентам и гимназистам, платил за их право учения, да всего и не перечислить.

брании А. М. Пешкова в почетные академики. А. М. Пешков тогда находился в Крыму, я не замедлил повидаться с ним, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его, немного погодя, в газетах было напечатано, что ввиду привлечения Пешкова к дознанию по ст. 1035 выборы признаются недействительными. При этом было точно указано, что извещение исходит от Академии Наук, а так как я состою почетным академиком, то извещение исходило и от меня. Я поздравлял сердечно и я же признавал выборы недействительными — такое противоречие не укладывается в моем сознании, примирить с ним свою